

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

**НОВЫЙ
МИР**

ПРОСТОРНЫЕ

ДАЛИ РОМАНА

Анатолий Ананьев. «Годы без войны». Роман. Книга вторая. №№ 1-2, 1979.

ДУШЕВНЫЙ облик действующих лиц романа «Годы без войны» сложен, непросто складываются их судьбы. И потому, обдумывая книгу Анатолия Ананьева, испытываешь желание внимательно охарактеризовать одного за другим ее героев, определить нравственные, гражданские качества каждого из них. Немало, в самом деле, можно сказать интересного об Акиме Сухогрудове, бывшем секретаре райкома, перешедшем на пенсию, но по-прежнему заботящемся о деле, которому он отдал всю жизнь, представляющем себе, как решал бы он задачи, выдвинутые сегодня течением жизни. Или о другом Сухогрудове — Дементии, что после окончания института был направлен в Сибирь и с головой погрузился в разворот огромных работ по освоению тюменской нефти. Или о молодом художнике Мите, сыне погибшего под Берлином старшины, мечтающем написать картину, которая передала бы весь ужас и гибельность войны.

И они, и другие люди, проходящие по страницам романа, во многом отличаются друг от друга, имеют свои неповторимые заботы и склонности, достоинства и слабости. Однако же, осмысливая поочередно, характер за характером, образы, созданные писателем, мы не охватим с истомой полнотой широкое поле произведения. Чтобы достичь этой цели, встающей перед любым пытливым и прозорливым читателем, надобно приметить, проследить внутренние связи, существующие между человеческими судьбами, поступками, чувствами, намерениями, разглядеть линии притяжения и отталкивания, идущие от человека к человеку и в конце концов образующие разветвленную систему общественных и душевных отношений; пронизывающих все повествование.

Роман Ананьева можно бы назвать «многоплановым», но термин этот несколько «поизносился», применяемый, так сказать, налево и направо. Точнее говоря, писатель ведет нас из столицы в деревню, из Пензы во Миценск, из Сибири в Подмосковье и при этом знакомит нас с партийными работниками и колхозными механизаторами, с участниками Отечественной войны и молсдым, только вступающим в жизнь поколением, с учеными и строителями, с дипломатами и домашними хозяйками. Далеко отстоящие пласты нашей действительности здесь становятся звеньями просторной, движущейся картины, и притом не в натюрмортах или пейзажах, а обязательно в человеческих лицах, действиях, страстях. Приходящий к выводу: возможности, заложенные в таком жанре, как роман, умеющем сопрягать и изображение событий исторического масштаба, и исследование тончайших человеческих переживаний, — эти возможности энергично, деятельно используют писателем. Он добивается слитного, целостного воплощения жизни общества и жизни людей, его составляющих, и поэтому-то в крупно написанных им характерах видны личные, особенные черты и те потребности, запросы времени, принадлежность к которому и делает столь сильно различающихся подчас друг с другом и незнакомых людей участниками единого великого действия — создания и укрепления нового, справедливого социального строя.

Анатолий Ананьев — писатель, умеющий и любящий вносить в повествование, казалось бы, уже прочно устоявшееся в точно обозначенном русле, неожиданные повороты, на первый взгляд и внезапные, но на поверку обоснованные, бросающие дополнительный свет на все происходящее. Вспомним, как в «Верстах

любви» агроном Пономарев, в течение долгого времени оставшийся лишь слушателем, стремительно превращается в лицо остро чувствующее и действующее, и как история учителя Федосова, им самим рассказываемая, приобретает после этого удвоенную силу, дополнительный смысл.

В романе «Годы без войны» таких резких перемен может и не быть — он пишется в ином ключе. Но и здесь без сомнения нас ждут непредвиденные открытия, узнавания. Романист очень чуток к тому, что еще только назревает, накапливается, подготавливается, с тем чтобы в дальнейшем обнаружиться, выйти на поверхность.

Речь идет о нечаянных, негданных поступках, решениях, о возникновении жизненных мотивов, до сих пор остававшихся в тени, а то и вовсе за рамками повествования. Сравнивая первую и вторую книги романа, видишь, что эти скрытые пружины уже начали разворачиваться, а дремавшие до поры до времени противоречия выступают с возрастающей отчетливостью. Могли ли мы, в самом деле, предполагать, что вслед за бывшей женой Арсения Галиной, лишь мельком упомянутой в первой книге, войдут в роман и займут в нем такое узловое место оба Сухогрудова и Лукин — новый секретарь райкома: что так нелепо повернется судьба самого Арсения; что Дорогомилин, беседовавший с Митей в своем уютном пензенском доме, встретит его на подмосковной поляне, где они продолжают и оборвут свой спор о войне и об искусстве.

Так естественно и гдетательно плетется ткань повествования, в которой тропинки судеб перекрещиваются, оттеняют, поддерживают одна другую, и в этом многоструйном течении постоянно дают себя знать основные, ведущие направления времени... Да, Лукин стал секретарем райкома потому, что обладал теми качествами, которые нужны были для укрепления сельского хозяйства, для решения хлебной проблемы. А Дементий Сухогрудов поехал в Тюмень, когда она стала краем нефтедобычи. А Дорогомилин зажил по-новому потому, что ему было доверено опять-таки важное хозяйственное дело, которое «надо было вытязгивать». А дипломат Кудасов оказался приметным лицом в романе потому, что был одним из тех, кто усиленно работал в дни приезда генерала де Голля в Советский Союз. И так, ход событий, имеющих историческое значение, непосредственно и прямо отразился в жизни тех людей, что являются деятельными и убежденными организаторами, отдающими духовные и физические силы общенародному делу.

Но ведь в романе изображены и люди, живущие по-другому: либо только ищущие место в жизни, а то и отработавшие уже свое, ведущие домашнее хозяйство, как бы сопровождающие тех, кто взял на себя главные

тяготы — ответственность за настоящее и грядущее... Плотность, трехмерность книги Ананьева во многом и определяется его гвердо осуществляемым желанием передать широту и неделимость человеческого существования. Герои его, переступая линию, отделяющую их рабочее место от дома и семьи, остаются сами собою, со всеми присущими им пристрастиями и взглядами, с грудными и отцовскими, общественными и супружескими тревогами, радостями, упованиями. От взора писателя не укрываются коллизии, подчас возникающие исподволь в повседневном обиходе, но оказывающие влияние на все поведение человека, на его душевное состояние. Тому же честному и прямому Лукину придется еще выбираться из тулика, в который завело его вторичное сближение с бывшей женой, мечущейся из стороны в сторону, Галиной. Да и славному, умному Дорогомилину мешают его «незащищенный тыл», никчемная, пустая жена Ольга с ее претензиями на «интеллектуальность». С вполне понятной завистью смотрит он на дружину, ладную семью своего двоюродного брата юриста Кошелева, в которой все любят и понимают друг друга. Такая же душевная близость и в доме Лукьяновых, хотя и заботит главу семьи Павла будущее сыновей, которые уже по-другому мечтают, другие цели ставят перед собой... Все это живая, реальная действительность с ее противоречиями, стремлениями, рождением новых, никогда ранее не возникавших вопросов и с поисками наиболее точных ответов, верных решений.

Общее, целостное восприятие и истолкование многосторонней, многопроблемной жизни — вот основа романа. Оно выработано романистом и рождается в умах, сердцах героев, наиболее серьезных, вздумчивых, пронизательных, хорошо знающих и понимающих потребности и особенности нашего времени, возникает постепенно и неодолимо утверждается в часы наибольшего внутреннего подъема, душевного озарения. Так открылась еще в первой книге романа полковнику Сергею Ивановичу «сопричастность судеб всех людей», и там же, работая на тракторе, Павел Лукьянов и его друг Степан остро ощущают «общую целостность мира». Подобная ясность и широкообъемлемость взгляда присущи и Лукину; и Дорогомилину, чувствующий себя участником огромного дела в споре с Кошелевым, отстаивает конкретность, жизненность великого критерия Правды... Все это люди деятельного, направленного, осмысленного труда, нужного народу, освещенного высокими идеями коммунизма. Они друзья романиста, их можно признать его единомышленниками, и в их душах живет то самое целостное, связанное понимание мира, которое и положено в основу романа, стало его движущей силой.

Этого единого и действенного

жизнепостижения, увы, лишен образованный и ученый Арсений, запутавшийся в своих противоречивых соображениях и комплексах. Для Арсения окружающее «было разделено на части и оттого казалось бессмысленным; он видел не здание, а кирпичи», и это сковывало его, мучило, отделяло от людей.

Подобных герзаний, пожалуй, и не испытывают те, кто собирался в провинциальном «салоне» Ольги Дорогомилиной, или те, кто, подобно москвичам Карнаузову и Мещерякову, сходятся в яростных спорах о назначении Запада и Востока. Но догмы, ими исповедуемые, словно отделяют их незримую, но плотной стеной от реальных нужд и запросов нашего времени. В этой среде более всего заботятся о том, чтобы поспеть за модой, и модными здесь почитаются не только платья и мебель, но и концепции, теории, настроения. Со скрытой иронией Ананьев передает эту суетность, тем более вздорную, что сказывается она в сфере умственной, в спорах людей, считающих себя носителями знаний, а на поверку растрчивающих эти знания попусту, без всякой пользы для страны, идущей совсем иными путями, живущей другими заботами и замыслами. Пожалуй, наиболее точные слова находят для определения лукавого и напрасного мудрствования Дорогомилина, когда он говорит симпатичному, но заблуждающемуся Кошелеву: «Народ работает, и, если хочешь, никакого дела нет ему до ваших схоластических споров». И подлинно схоластической, подчас путанной, не имеющей ничего общего с истинной теорией и реальной практикой, веет от дискуссий, участников которых романист изображает без шаржирования и карикатурности, с той объективностью, что подчас безжалостнее прямой насмешки и обличения. Вместе с тем от нас не ускользает отвращение, которое питает романист к такому субъекту, как лошенистый и пустоপরজন журналист Тимонин, готовый произносить любые слова, любые фразы, только бы они обеспечивали ему репутацию «компетентного» человека и способствовали его собственному благополучию. Глубокая грань, проходящая меж таким «пенко-нимателем», «любителем наслаждений» — как называли в русской литературе еще сто лет назад подобных ловкачей! — и настоящими работниками, создателями духовных и материальных ценностей. Они-то и стали героями романа, им, вероятно, предстоит вести, направлять его течение и в дальнейшем.

Действие первой и второй книг происходит летом того года, когда в Советский Союз приезжал президент Французской республики де Голль. Это было знаменательное, памятное событие, свидетельствовавшее об успешности, справедливости, жизненности политики Коммунистической партии и Советского государства, важная ступень на пути к разрядке, укреплению мира. Прошло более десяти лет с той поры, а несмотря на быстротечность нынешней жизни, те же вопросы стоят в центре внимания народов, волнуют десятки, сотни миллионов людей. И Лукину, и Дементию Сухогрудову, и Павлу Лукьянову, и Дорогомилину, и всем другим, кто также работает на ключевых, передовых участках нашей действительности, приходится без усталости трудиться, брать на свои плечи ответственность за себя и других, находя в том счастье и смысл своего существования.

В этом суть романа, его «нерв», его энергия. А на путях его развития, конечно же, нас ждет новое, непредвиденное. И это свидетельство: опять-таки жизненности, расказа, остроты писательского зрения.

Носиф ГРИНБЕРГ